

КИТАЙ НАОСОБИЦУ

Малиновский Валерий Мечиславович,
*журналист,
Приморский край*

Земля Конфуция, Ду Фу, Ли Бо, – какая ты?..

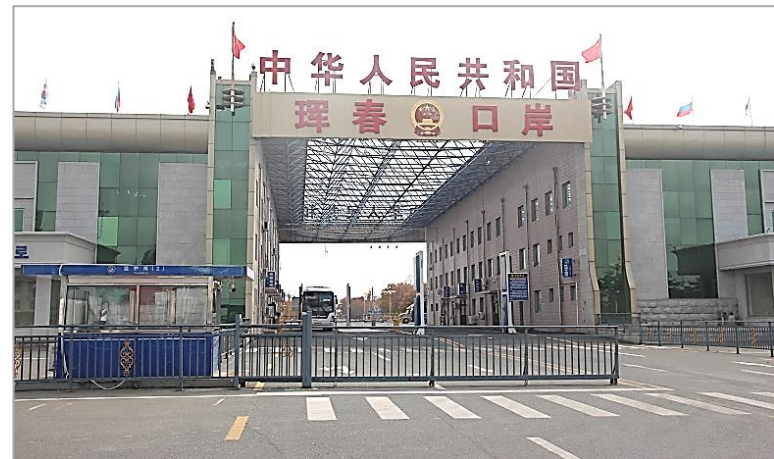
Но первый взгляд на Поднебесную не совпал с внутренним порывом: вместо городка Цюйфу, родины Учителя Кун, как величают китайцы святого Конфуция, и горы Лушань, где писали бессмертные стихи прославленные Ду и Ли, на знакомство выпал небольшой приграничный город – без особых примет «поднебесья».

Чей ты, Хуньчунь?

Хуньчунь – сосед нашего Краскино, пустеющего посёлка на хасанской земле, у стыка рубежей России, Северной Кореи и Китая. Разделяет убогое поселение и процветающий город час езды на автобусе. Правда, дорога эта растягивается ещё двумя часами прохождения российско-китайской границы. В нашей пограничной зоне четыре проверки, в китайской – одна. Под стать им и время оформления перехода: четыре к одному.

Осень разметала по обе стороны контрольно-следовой полосы одни и те же радужные краски, и небольшой «забугорный» лесок не выдал бы чужеземья, если б не бережно посаженные вдоль обочин ряды хвойных деревьев: сосен, елей, туй.

Китай, как и повелось в мире, красен при встрече одежкой: безупречен экстерьер таможенного здания с государственными символами, по последнему слову техники оснащены залы, с иголки форма служащих с внимательными, но не сверлящими насквозь, как на нашем контроле, глазами.

Город открылся синими двускатными крышами одноэтажных частных домов. Здесь, на его окраине, обосновались корейцы, наследники беглецов от страшного голода на севере Корейского полуострова – в самом конце позапрошлого века. По всему, к ним добавились беженцы из пекла Корейской войны 1950-53 годов. Не исключено, мизерной долей влиты в число горожан и потомки аборигенов некогда существовавшего на этой равнине развитого государства Когурё, захватывавшего и часть Приморья. В более близкое для нас время, около полутора тысяч лет назад, на этом

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

месте обосновалась Восточная столица Бохая, государства ханьцев, этнических китайцев, доминирующих и поныне среди 56 китайских «разновидностей». Как бы то ни было, с начала 1950-х Хуньчунь – городской уезд Яньбянь-Корейского автономного округа: доля корейцев 280-тысячного города – 48 процентов. Есть и маньчжурская, 20-тысячная, община. Чья-та мудрая голова облегчила задачу статистам: «частные» китайцы красят крыши нефритовой зеленью. Так что индивидуальный Хуньчунь, как и официальный, более «синий», нежели «зелёный». Хотя и живой зелени в нём – Владивостоку на зависть.

На этих просторах обитали и чжурчжэни. Хуньчунь – «приграничье» – слово из их языка. В двадцатом веке город перенёс немало испытаний. Во время Боксёрского восстания, вспыхнувшего в пику строительству Китайско-Восточной железной дороги Россией, немногочисленный бушующий Хуньчунь был взят штурмом русской армией. А перед Второй мировой войной оккупирован японцами.

Теперь городской уезд, как и весь Китай, крепко стоит на ногах, окружённый останками древних укреплений. И с распростертыми объятиями встречает русских туристов, приезжающих поправить здоровье и приодеться...

Всё для нас

С крушением Советского Союза и его экономики правительство Китая пошло на перспективный – и очень своевременный – маневр: направило на развитие Хуньчуна более четырёх миллиардов юаней. Предпочтение – переработке морепродуктов, фармации, текстильному производству –

насушным потребностям северного соседа, вмиг оголодавшего и обносившегося.

Приморские туристические фирмы поставили на поток поездки дальневосточников за дешёвыми «шмотками» и к зубным лекарям. Дантистская оздоровительная лавина меня и подхватила. И занесла совсем не в тот, не в мечтательно-поэтический, Китай с пятитысячелетней историей – и письменной, и видимой. Но и этот, стоящий наособицу от восточных примет «хуньчунский фрагмент», по-своему тронул душу, втянул ещё глубже в сокровенную мечту соприкоснуться с достопримечательной древностью.

Из «шорт-листа» рекомендуемых «Примтуром» гостиниц я выбрал «Туманган»: сыграл на руку топоним, знакомый по названию реки – в её устье и сходятся границы трёх государств. Российский экскурсовод Света доставила группу на автобусе Daewoo из Владивостока прямо к «Тумангану». «Ни хао, Китай!» – вырвалось из груди. Но две в человеческий рост русские матрёшки у входа с колоннадой остудили пыл на встречу с «чистокровным» Китаем. В фойе Света передала меня переводчице Наде, китаянке, – на всю неделю.

– Вы записаны в двухместный номер, – занялась мной Надя. – Но есть одноместный, без окна. Можете в нём поселиться.

Я выбрал без окна.

– Где ваши вещи?

Указываю на зелёный рюкзачок с эмблемой «две ёлочки» – бессменный спутник моих походов. Всё его содержимое – фотокамера, планшет, томик стихов Ду Фу из серии «Азбука-классика», дорожный дневник, туалетные мелочи.

– А вещи?! – округлила глаза Надя.

– Ещё не купил...

Надя улыбается. Весёлый лад общения – для неё. Окончив факультет русского языка в китайском университете, Надя

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

стажировалась в Прибалтике, на Рижском взморье. С ней легко – приветливая, лёгкая, солнечная, как утренний бриз.

За полотенце, халат и мыло платить не надо, разъяснила Надя, но все «излишества» – лапша, напитки, лосьоны, тапочки, индивидуальные «средства защиты» – за деньги. Окно есть, но покрашено пожелтевшими цинковыми белилами.

У Нади новая американская машина, то ли Edge, то ли Explorer, конечно, супер, с двумя «счастьями» в номере – «771». Мы поехали на обед. В уютном ресторанчике, оставив меня наедине с совместно выбранными китайскими блюдами, супом из морепродуктов и салатом из брокколи с яйцом, Надя умчалась – у неё «людовой конвейер» из России.

Я выказал владение палочками. Но если тридцать лет назад навыки – стоившие стольких трудов! – дивили корейцев, то теперь их не замечают ни в Пусане, ни здесь.

Может ли вообще русский удивить сегодня китайца, а приморец – хуньчунца?!

Век-полтора назад мог. Яков Семёнов, первый гражданский житель Владивостока, – окладистой купеческой бородой. Евгений Бурачёк, первый начальник военного поста у Золотого Рога – морской офицерской формой со снежно белым воротничком-стойкой. Посещая Хуньчунь, они торили коммерческие стёжки между русско-китайским приграничьем. Николай Пржевальский, знаменитый путешественник, – орлиным носом и пышными усами. Он покупал здесь снаряжение для экспедиции по пустыне Гоби. И все трое – твёрдым уверенным взглядом, во все времена уважаемым.

Из бытового обихода китайцев одно за другим тихо выкрошились русские слова «товарищ», «друг». Впрочем, как и из нашего. Теперь только: «Эй! Корефан!» – на рыщущие по шмоткам российские глаза. Не знаю, от кого к кому пришёл этот оклик, но в капиталистической Корее то же самое. Ухо режет как «кацап» или

«чурка». Не отзываюсь даже взглядом. А зазывают на каждом углу. И ведь прозорливцы! – «рубль» идёт.

Минус 50 веков

В окне ресторанчика – город. В его кроках – ничего ханьского, разве что рикши, уже «велоходные»: кибитка, колесо, педали. Да ещё поток смуглых лиц за стеклом. Иероглифы на стенах этажей забивает повсеместная кириллица, слегка разбавленная корейским хангылем.

Надя вернулась с последним глотком кофе. Доллар год назад вдвое «поднял» рубль. Теперь юань – наша десятка вместо пятерки. С меня – двадцать два юаня. Но вкусные китайские порции – для былинных русских богатырей, я умял лишь наполовину.

Надя привезла меня в клинику «Денталюкс-М» на краю Площади века, в пяти минутах езды от «Гумангана», прикрепила к Соне, врачу. На стене перед стоматологическим креслом – акварели крестьянской жизни из прошлого: быки с арбами, крупорушки, камышовые крыши. Соня, заметив мой интерес к сюжетам, погрузилась в смартфон и вскоре «извлекла» из него

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

северокорейский государственный флаг – ихнее. Но почему изобразительная «рука Пхеньяна» в лечебнице?

Соне позвонили. Отложив инструмент, защебетала по-корейски.

Я обернулся к Наде.

– Она кореянка, – пояснила Надя. – Её предки жили в Корее, но перебрались сюда.

Обоими местными языками Соня владеет бегло. А по-русски знает то, что нужно при общении с пациентами. Ей лет тридцать. Врачей старше сорока в клинике нет – возрастной спад зрения снижает качество работ.

Темнеет в Хуньчуне рано. Разница с Владивостоком минус два часа. В гостиницу уезжаем в сумерках. Улица пестреет зелёными седанами – такси. Тут их три тысячи, все государственные. Они везде: на площадях, улочках, в проулках. Притормозят, посигналят, а то и крикнут: «Куда ехать, корефан?» А заплутал – доставят в гостиницу без проволочек, только назови её. Проезд по городу – пять юаней. Хуньчунь компактен, добротен, без пробок и открытых люков.

– Можем заехать в клинику традиционной китайской медицины. Диагноз – по пульсу. Лечат прижиганием моксой.

Моксотерапия?! Я читал об этом в дневниках Басё, великого японского поэта средневековья. Он прижигал подколенки на дальние путешествия. Мокса – трава. Я долго не знал какая, пока в каких-то пояснениях не наткнулся: крапива. Но как всё происходит?

– Поехали!

Клиника на Торговой улице, в двух шагах от «Тумангана». Под проезжей её частью – «Подземный пассаж»: маркеты, кафе, салоны красоты. А вот цветов – нигде. На первом этаже лечебницы – фитоаптека: тысячи коробочек с травами, настойками, сиропы. Кабинет моксотерапии – на втором.

Коконом тлеющей травы, похожим на газовый баллончик для портативной печки, врач «колдует» над шеей лежащего на кушетке мужчины.

– Это Миша, – шепчет Надя, – профессор. Пригласили на работу из Пекина. Его прадед лечил императорскую семью. Династия.

Кабинет украшают вымпелы из красного бархата размером с лист ватмана – аналог нашим благодарственным письмам и поощрительным дипломам. Плакаты с перечнем оздоровительных услуг и их пользой – тут же.

Закончив процедуру, Миша занялся мной. Через минутую другую по пульсу нашёл недуги. Договорились на восемь сеансов.

Жар туго смотанного кокона скользит вдоль позвоночника. Прижигает с небольшой высоты, над проблемными местами зависает. Процедура приятная, во время сеанса и после пьёшь горячий зелёный чай, философствуешь.

Китайской официальной фармакопее – рукописи травяной медицины «Шэнь-нан Бэнь Цао Цзин» – полторы тысячи лет. Но составлена она из многих древнейших книг по фармакологии, пришедших из глубины веков, вплоть до 50-го, или, точнее, до минус 29-го.

Как закаляется ханец

Групповых путешествий – сколь душе угодно. Жаль: на останки древних укреплений и в горные храмы не случилось. На церемонию чаепития и дегустацию фруктов в соседний город я не поехал. Но Надя привезла гордость тамошних садов: два больших красных яблока.

Я не «кошмарил» её переводами, ценами, не допекал путеводительством – во всём разобрался сам. Одному удобнее: разглядишь город, людей, насытишься впечатлениями.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Хуньчунь не запомнился восточным архитектурным колоритом – я его не увидел. Готика автобусных остановок, барокко баров, классицизм гостиниц, кубизм офисных высоток – на каждом шагу. А вот «китайский дом с зелёными драконами, с деревянными мандаринами под золочёными зонтиками», подобный виденному два столетия назад Александром Пушкиным в Москве, не встретился.

Как-то после моксо-сеанса, перед обедом, Надя по-свойски спросила:

- Брат, что любишь из еды?
- Морепродукты, сестричка.
- Едем!

Втроём – Надя, Миша и я – уютились в уютном зале ресторана с японской кухней, за стойкой стола-печи. Персонал – китайский, но с кулинарным обучением в Стране восходящего солнца. Повар прямо перед нами устроил «фаер-шоу»: в языках мечущегося от плиты до самого потолка огненного столба виртуозно запекал мидии, гребешки, креветки – и тут же подгонял нам.

– Я очень люблю ваших писателей, – глядя на огонь, приятно удивил Миша, – Пушкина, Толстого, Чехова, Горького... – И блеснул названиями их произведений.

В китайских школах проходят Николая Островского. Его книга «Как закалялась сталь», говорит Надя, воспитывает в детях любовь к Родине, мужество, преданность делу.

Днём раньше в одном из дворов пятиэтажки я видел плакаты – не то чтобы политические, но тоже полезные, из разряда всеобуча. На каждом – эмблемные серп и молот, как на символах Советского Союза. А на Площади века – галерея текстов и картин под открытым небом – древняя история страны. Я рассматривал долго, а между тем вокруг собрались люди – потанцевать. Кое-кто пришёл с музыкальными инструментами. Один старичок держал в

руках что-то старинное, вроде упрощённой скрипки. Я спросил, записал на слух: «аку».

На площади занимаются массово гимнастикой ушу, запускают воздушных змеев и просто сидят на лавочках под лучами солнца – читают газеты, слушают музыку, поют.

Философия дня

Вечером на площади, на асфальте, раскидывается пищевое торжище. Сотни людей пробегают по его плотным рядам, прикупая свежие овощи, зелень, живую рыбу, лягушек, крабов. Торговцы понимают по-русски.

- Вот этот сколько стоит? – указываю на краба-стригуна.
- Двадцать юаней.

Крытый рынок тоже есть, рядом. Море не под боком, но всё, что из него можно добыть, – на столах, в кубометровых аквариумах, в тазах с проточной водой, беспрестанно насыщаемой кислородом. Плавает, плещется, шевелит створками живность. Ткни пальцем в любую тварюшку – тут же зажарят, запарят, усадят за стол. Говядины, свинины, птицы – тоже невиданное изобилие. И – шашлычки, колбаски, котлетки, исходящие ароматами.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Яблоки, мандарины, бананы, виноград привозят крохи-грузовички на электрическом «топливе», зачастую трёхколёсные. Мини-электротранспорта уйма, того и гляди столкнёшься с бесшумным мокиком, выскочившим из-за угла. Но водитель искусно объедет пешехода, не причинив вреда. А вот «настоящий» автомобиль человека не обрулит и на пешеходном переходе не пропустит, даже если идёшь на зелёный свет, а он выехал на перекрёсток «по стрелке». Но никто под колёса не попадает – философия, возведённая в правила дорожного движения: сильный сильнее слабого. Тут не нужно держать двумя руками кошелек – не обворуют. Жестокое наказание древности – отсечение пальцев – культивировало из века в век честность. Тоже философия дня, как и почитание природы, старших, потребность труда.

Прогулки от площади до гостиницы приворожили. Идти по китайскому городу и читать «русскоговорящие» стены забавно. Но ханьцы оригинальны в названиях магазинов, лавок, кафе: пивной дом «Новое село», гостиница «Пузатахата», пельменная «Подисюда», продуктовый магазин «Жуйфэн»...

На одной из улиц – едва живое, почти окаменелое дерево. Не спиливают. Реликт огородили бордюром, соорудили вокруг трёхобхватного ствола клумбу с табличкой: «271 год». Осталось

загадкой: дата посадки? возраст? Но такие многовековые деревья я видел в Южной Корее. Они оберегаются особо. На Торговке по выходным – развалы: связки дырчатых монет Бохая, старинные вещицы, раритеты недавних времён. Стоящие рядом бронзовые бюсты великих революционеров Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна я, с позволения владельца, заснял. Книг нет.

Лишь однажды воспользовался такси.

– В «Туманган»? – переспросил водитель. – Туманган – это по-корейски, а по-китайски – Туманцзян, – вразумил он, наверняка, ханец, генетически несогласный с иноязычием.

– Я – Миша, Медведь, – протянул руку, улыбаясь. – А тебя как звать?

– Лан!

– Лан?! – захохотал он. – Волк? Я – русский, ты – китаец! Ха-ха-ха...

А долгожданный Китай приоткрылся в городском парке, крохой, – четырёхъярусной старой башней за мостом через полусухую реку. Не её ли брали русские воины? Теперь штурмуют молодожёны: сняться на фоне пагоды – здешняя традиция.

Лет десять назад Китай разрешил покупать иностранцам недвижимость. Из России хлынули коммерсанты – устраивать бизнес. Но теперь почти никого нет. Деньги валом не пошли, а труд – от зари до зари. Жильё подорожало. Купить легко, продать трудно.

За неделю я к Китаю привык. Он приветлив, чист, благополучен.

Но – всему свой черёд. Надя вернула меня Свете. Гостиничные «излишества» проигнорировал целиком – и без проволочек получил свой паспорт.

– Будем рады вам снова! – попрощалась администратор.

– Приезжай! – вручила пакет с китайским коньяком Надя.

«Китай ждёт тебя, корефан», – просигналили глаза метрдотеля...

Об авторе:

Малиновский Валерий Мечиславович окончил ДВГУ, победитель и лауреат многих международных, региональных, краевых литературных конкурсов, в том числе журналов «Новый мир», «Метаморфозы» (Беларусь), «Дальний Восток» и других. Обладатель литературной премии Национальной организации туризма Республики Кореи. Автор двух поэтических книг, одна из которых («Константин Буркин») – финалист международного литературного конкурса «Золотой Витязь», победитель XI Дальневосточного конкурса природоохранной журналистики «Живая тайга», на XII слёте награждён специальным дипломом «Наследник Пришвина».

Награждён дипломом Европейского конгресса литераторов за победу в номинации "Моя малая родина" национальной литературной премии "Золотое перо Руси", удостоен звания "Серебряное перо Руси" с вручением серебряного нагрудного знака.